

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КОЖЕВИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии исторического факультета

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

(Омск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9486-5205; kozhevina@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ГЕНЕРАЛА А. И. АНДОГСКОГО: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

А н н о т а ц и я . Рассматривается одна из актуальных проблем историографии Гражданской войны в России, включающая анализ социального поведения и жизненных стратегий офицерства старой русской армии в 1917–1922 годах на материалах исследований, посвященных судьбе генерала А. И. Андогского. Данная проблема сегодня является достаточно дискуссионной, поэтому обращение к истории изучения политического выбора генерала А. И. Андогского выходит за рамки частного аспекта современной историографии офицерства периода русской Смуты, способствуя решению ряда масштабных научных задач. Автор выявляет и сравнивает существующие концепции относительно политического выбора А. И. Андогского, анализируя убедительность приводимой историками аргументации. С этой целью привлекаются не только историографические, но и конкретно-исторические источники. В статье отчасти получили отражение собственные позиции автора по рассматриваемому вопросу. Это относится к таким сюжетам, как время и причины осуществления генералом своего политического выбора. Автор подчеркивает, что более точное и обоснованное представление об этих и иных аспектах социального поведения А. И. Андогского может дать масштабное историко-биографическое исследование, которое системно охватит самые разнообразные аспекты жизнедеятельности этой неординарной личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Академия Генерального штаба, русская армия, большевики, Гражданская война в России, мотивация, политический выбор, офицерство, социальное поведение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевина В. Л. Политический выбор генерала А. И. Андогского: к историографии проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 51–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.807

ВВЕДЕНИЕ

С конца 1980-х годов в отечественной историографии активно разрабатывались проблемы, связанные с жизненным выбором русского офицерства в период революции 1917 года и Гражданской войны. В центре внимания оказался комплекс вопросов, связанных с мотивацией поведения русских офицеров в условиях русской Смуты. На рубеже XX–XXI столетий в рамках данного направления исследований интерес историков вызвала и фигура генерал-майора Александра Ивановича Андогского (1876–1931). С одной стороны, судьба А. И. Андогского была довольно схожа с судьбами многих русских офицеров, оказавшихся, в конечном счете, в антибольшевистском лагере, принимавших участие в войне на стороне белых и закончивших свои

дни на чужбине. С другой – генерал несколько месяцев провел на службе у большевиков, возглавляя Николаевскую Военную академию (Академию Генерального штаба РККА) и выполняя указания руководства Красной армии. К тому же сами обстоятельства перехода академии на сторону белогвардейцев заставляют и по сей день сомневаться в твердости политической позиции А. И. Андогского в контексте гражданского вооруженного противостояния на территории России. Неудивительно, что в современной исторической литературе сформировались различные оценки социального поведения генерала, анализ которых позволяет прояснить характер исследовательских подходов к проблеме жизненных позиций, проявившихся в ходе русской Смуты у такой значимой категории российского офицерства, как генштабисты.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЫ

А. И. АНДОГСКОГО

Еще со времен Гражданской войны социальное поведение генштабистов как особой общественной группы стало предметом освещения в исторической литературе. К началу 2000-х годов в рамках расширения проблематики и усиления концептуализации истории русского офицерства, а также набиравшей обороты популярности биографического подхода в фокусе исследовательского интереса оказалась фигура начальника Военной академии генерал-майора А. И. Андогского. При этом обозначились два важных направления в изучении жизнедеятельности генерала. Первое касалось вопросов, с одной стороны, об оценке самого факта службы А. И. Андогского в РККА, а с другой – присоединения персонала и курсантов академии к лагерю антибольшевистских сил в Екатеринбург и Казани в июле – августе 1918 года. Второе направление акцентировало внимание на рефлексии генерала по поводу общей проблемы мотивации русских офицеров, поступавших на службу к большевикам, что собственно и произошло с самим А. И. Андогским. Данное направление фактически предопределило обращение к научному наследию А. И. Андогского как историка русской и Красной армии периода Гражданской войны.

В статье А. М. Лосунова освещались события периода правления на востоке России адмирала А. В. Колчака, связанные с расследованием «дела Андогского» как начальника Академии Генерального штаба, служившего большевистской власти на протяжении девяти месяцев [21]. Автор проводит тезис о том, что А. И. Андогский изначально прикладывал массу усилий для того, чтобы ослабить большевиков и максимально сосредоточиться на подпольном участии академии в борьбе с ними. Другое существенное заключение А. М. Лосунова состояло в том, что, несмотря на интриги недоброжелателей генерала в «белом» лагере, участники расследования не смогли найти оснований для серьезных обвинений против А. И. Андогского. Соответственно получается, что политический выбор генерала изначально был сделан в пользу антибольшевистских сил.

Ю. И. Кораблев (1918–1996) в работе «Советская власть и военные специалисты», опубликованной посмертно, писал о «борьбе мотивов» среди офицерства в период Гражданской войны. Исследуя психологию офицерства, ученый опирался на выводы, сделанные генералом

А. И. Андогским в одной из его работ (1921 года), где тот выделил шесть групп русского офицерства, руководствовавшихся различными основаниями при переходе на службу к большевикам. Ю. И. Кораблев высоко оценил результаты размышлений «белого» генерала, подчеркивая преимущества его точки зрения по отношению к существовавшей в советской историографии упрощенной трактовке проблемы. «С примерной классификацией офицеров, данной Андогским, – убежденно подчеркивал исследователь, – можно согласиться» [20: 315]. Данное направление исследований получило продолжение гораздо позже, когда фигура и социальное поведение А. И. Андогского оказались в центре исследовательской дискуссии по поводу судеб и политического выбора представителей офицерства, принадлежавшего к Генеральному штабу в период Гражданской войны.

В 2010-х годах в исследовательской литературе фокус внимания к судьбе А. И. Андогского сместился в сторону освещения отдельных значимых эпизодов его биографии, в частности деятельности в качестве начальника Военной академии, начиная с избрания на эту должность. Процедура выборов, проводившихся среди офицеров Генштаба, формально выглядела демократичной. Но последнее слово оставалось за военным министром, что позволяло А. Ф. Керенскому маневрировать. В итоге из двух ведущих по результатам выборов кандидатов – генерал-майора, профессора, начальника штаба Румынского фронта Н. Н. Головина (410 голосов) и полковника, управляющего делами академии А. И. Андогского (373 голоса) – во главе академии оказался менее популярный среди генштабистов, но более покладистый по отношению к власти человек. Сам по себе факт назначения 7 августа 1917 года А. И. Андогского, полковника, имевшего небольшой опыт командования на фронте, к тому же достаточно молодого 40-летнего кандидата, на столь значимый пост наиболее подробно осветил А. В. Ганин. Исследователь подчеркнул, что выборы начальника академии проходили в условиях политизации и даже раскола корпорации генштабистов, а А. Ф. Керенский, вероятно, опасался оппозиции со стороны академии, которую мог возглавить фронтовой генерал. А. В. Ганин справедливо указывает:

«С этой точки зрения, Андогский казался Керенскому более лояльным, чем представитель далекого Румынского фронта Головин. Определенные опасения могла вызвать и популярность Головина» [3: 74].

Эпизод с карьерным возвышением А. И. Андогского в августе 1917 года оказался существенным для понимания его социального поведения и дальнейшего жизненного пути, но отнюдь не главным для историков русского офицерства времен Гражданской войны. Важным сюжетом в историографии темы политического выбора офицеров в условиях масштабного военного противостояния различных политических сил, которое в течение нескольких лет вовлекало в свою орбиту миллионы людей, стало обращение к факту перехода Военной академии на сторону антибольшевистских сил после многомесячной службы в составе вооруженных сил Советской России. В советской исторической литературе и вплоть до современности переход большинства слушателей, а также всего преподавательского состава академии на сторону противников советской власти за редким исключением рассматривался как показатель, иллюстрировавший соответствующие политические настроения значительной части русского офицерства [1], [11]. В работе А. В. Ганина «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.» особо подчеркивалось, что это был наиболее массовый случай подобного рода [9: 167].

Интерес к судьбе А. И. Андогского вызывался не просто потребностями масштабного изучения истории Военной академии, он был напрямую связан с проблемами социального поведения офицерства в 1917–1922 годах. Политическая позиция генерала, проявившаяся в указанный момент его биографии, оказалась в центре исследовательской дискуссии. В специальной работе, посвященной жизненному пути генерала, В. В. Каминский подчеркнул противоречивость фигуры А. И. Андогского, его склонность к интригам и готовность в любых политических обстоятельствах всемерно отстаивать интересы Военной академии. Однако в основе социального поведения генерала, по мнению автора, все же лежало другое:

«Свойственные Андогскому “изворотливость” и “легкая приспособляемость к обстоятельствам” и даже его борьба за сохранение статуса Академии в “смутное время” конца 1917–1918 годов в немалой степени были обусловлены социально-бытовыми, семейными (генералу приходилось содержать многочисленную семью. – В. К.) мотивами» [12: 93].

КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЙ

В исследованиях, относившихся к истории офицеров-генштабистов, первоначально ока-

завшихся на службе советской власти, а затем перешедших из РККА на сторону антибольшевистских сил, В. В. Каминский обосновывает существование устойчивой тенденции, которая характеризовала жизненные стратегии представителей этой социальной группы. Согласно концепции автора, социальное поведение генштабистов уже с момента падения монархии в России и на протяжении Гражданской войны было обусловлено прежде всего «материально-бытовой мотивацией», означавшей доминирование материальных устремлений и усилий, направленных не только на обеспечение жизненного достатка, безопасности семейств, но и особого, довольно высокого статуса в армейской среде. В первую очередь это относилось к периоду пребывания генштабистов в Красной армии, руководство которой (включая Л. Д. Троцкого) лояльно относилось к военным специалистам высокой квалификации [14], [15], [16], [18], [19]. Патриотическая мотивация (что характеризовало поведение офицеров, стремившихся защитить интересы Советской России в ходе противостояния с вооруженными силами Германии и Польши), а также идеологические основания данной категории офицерства, не принимавшего большевизм и политику его лидеров, оказывались, таким образом, вторичными по отношению к «материально-бытовой мотивации» генштабистов.

Отверг В. В. Каминский и выдвинутый в зарубежной историографии тезис о том, что генштабисты «служили в РККА в основном из профессиональных соображений», следуя своему «профессиональному долгу» и считая, что опыт и знание военного дела можно с успехом применить и при новой власти и даже восстановить статус корпуса офицеров Генштаба, равный дореволюционному. Полемизуя со сторонниками данного тезиса, историк утверждает:

«Все дело в том, однако, что восстановление собственного служебного положения в новой армии волновало выпускников Академии далеко не только (зачастую и не столько) как возможность профессионального продвижения, но прежде всего как средство разрешения многочисленных “социально-бытовых проблем”, как-то: получение более высоких окладов и более удобных должностей, обеспечение собственного здоровья и социального благополучия для своих семей» [17: 45].

В итоге, если, согласно мнению В. В. Каминского, служба в РККА соответствовала этим потребностям, присоединение персонала и слушателей Военной академии во главе с ее начальником к вооруженным формированиям Сибирской армии и Комуча в июле – августе 1918 года при подобной интерпретации выгля-

дит едва ли не случайностью, простым стечением обстоятельств, вынудивших генштабистов решиться на такой шаг. Подтверждая соответствующую трактовку событий, по крайней мере по отношению к единичным переходам генштабистов из РККА в ряды антибольшевистских сил, автор отмечал:

«Выбор конкретными генштабистами того или иного из противостоящих лагерей в 1918–1919 гг. был обусловлен прежде всего не политическими симпатиями, а стечением различных обстоятельств» [9: 123].

На данный историографический факт, а также иные доводы В. В. Каминского относительно жизненных стратегий русских генштабистов в начале 2000-х годов отреагировал А. В. Ганин, что собственно и стало одной из важных причин длительной и бескомпромиссной дискуссии между двумя исследователями. Полемика охватила очень широкий спектр проблем, связанных с изучением образцов социального поведения генштабистов в условиях революции 1917 года и Гражданской войны. В контексте рассматриваемой нами проблемы уже на начальном этапе дискуссии А. В. Ганин выдвинул и обосновал ряд существенных положений, противоречивших позиции В. В. Каминского. По мнению историка,

«офицеры Генштаба, принадлежавшие к элите русской армии, делали свой выбор вполне осознанно, как правило, исходя из своих нравственных ориентиров <...>. Причины поступления “лиц Генерального штаба” в РККА не сводятся к пресловутым социально- и материально-бытовым мотивам: они многообразны. В начале 1918 г. не последнюю роль играли и надежда продолжить борьбу с германцами, и опасения за судьбу своих близких в связи с принятой большевиками практикой заложничества, и желание проникнуть в руководство РККА, чтобы оказывать содействие единомышленникам за линией фронта, и ряд других» [7: 101, 108].

Со временем В. В. Каминский несколько скорректировал свою позицию, отмечая, что в тех или иных ситуациях при переходе к «белым» общая причина – «социально-бытовая мотивация» – уступала место другим основаниям. Речь идет о поиске офицерами своих родственников:

«...другие же, – пишет автор, – покидали РККА именно в тот период, когда положение большевиков на данном участке фронта казалось особенно безвыходным, и одновременно появлялась явная возможность без особых затруднений перейти в противоположный лагерь (опять-таки. – В. К.) с тем, чтобы там при новых “хозяевах” найти более-менее приемлемую для своего статуса должность» [14: 195].

ОБЪЯСНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА А. И. АНДОГСКОГО

По мнению А. В. Ганина, как служба генштабистов в РККА, так и их переходы к «белым» могли обуславливаться различными причинами. В своих трудах, опирающихся в том числе на соответствующие историко-публицистические и очерковые работы белогвардейских авторов, историк назвал около десятка таких причин, но без определения того, что все же доминировало в рамках данного процесса. Возвращаясь к перипетиям судьбы А. И. Андогского, отметим, что в различных работах А. В. Ганина биография генерала получила многостороннее освещение. Нас же в первую очередь интересует интерпретация проблемы политического выбора начальника Военной академии. В данном случае, однако, автор рассуждает крайне осторожно, чаще всего ограничиваясь цитированием документов современников генерала. Например, приводится данная А. И. Андогскому характеристика Г. Х. Эйхе – «смертельный враг Советской власти» [6: 526]. Вместе с тем историк отмечает: «...современники считали Андогского беспринципным оппортунистом» [4: 49]. И все же, несмотря на то, что «и красные, и белые считали Андогского двурушником и врагом», по мнению А. В. Ганина, переход генерала в лагерь противников большевиков вовсе не был случайным и произошел отнюдь не вопреки его политическим устремлениям [8: 56]. В современной исследовательской литературе данная точка зрения была высказана и более определенно. Как подчеркнули С. Ф. Фоминых и А. О. Степнов, А. И. Андогский «был обречен стать врагом большевиков, а потому и путь конфронтации с большевизмом был для генерала во многих отношениях предрешенным» [22: 87].

В построениях историков, полагающих, что А. И. Андогский в конечном счете не намеревался сохранять верность Советской России, до поры лишь создавая видимость добровольного сотрудничества с нею, а в действительности искренне симпатизируя противникам большевиков, есть несколько аспектов, остающихся непроясненными. Понятно, что взятие власти большевиками создало для генштабистов, да и для значительной части русского офицерства в целом, обстановку неопределенности и рисков, существенно замедлявших акт политического выбора. К тому же продолжалась мировая война, предстоял созыв Учредительного собрания и т. д. Характеризуя данную ситуацию, когда Военная академия, включая преподавателей, слушателей,

обслуживающий персонал и материальную базу, достались большевикам в качестве наследства от предыдущего режима, А. В. Ганин подчеркивает, что учебное заведение просто не могло сколько-нибудь быстро «затормозить», дабы изменить цели и порядок своей работы.

«По инерции, – пишет историк, – учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате чего Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди» [5: 33].

В этой связи резонно поставить вопрос: до каких пор могла длиться эта инерция, не окажись Военная академия вместе с ее начальником вблизи фронта? Пример Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской академий показывает, что этот процесс привел к тому, что оба учебных заведения постоянно и исправно выполняли свое предназначение при новой власти в условиях относительной отдаленности от театра военных действий. Причем стремление руководства и преподавателей этих академий «сделать вид», что произошедшие политические перемены их не касаются, запереться в «башне из слоновой кости» было ничуть не меньшим, чем у персонала Военной академии. Так, начальник Главного управления высших учебных заведений РККА Д. А. Петровский в вышедшей еще в 1924 году книге «Военная школа в годы революции» констатировал: «О своей неприкосновенности и автономии особенно заботились Артиллерийская и Инженерная академии»¹.

Таким образом, возникает следующий вопрос: к какому моменту биографии А. И. Андогского относится сам акт политического выбора? Этот вопрос довольно сложен, поэтому следует обратиться к началу революционных событий 1917 года, учитывая при этом особенности социального поведения и личностные черты генерала. Впервые российское офицерство как самостоятельная политическая сила сделало свой выбор в конце февраля – первых числах марта 1917 года. Но это был выбор немногих. Его осуществила верхушка командования русской армии в лице командующих фронтами и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Если отречение 2 марта 1917 года от престола Николая II формально освобождало армию от присяги императору, то отречение его брата Михаила фактически узаконивало в России либеральный порядок с последующим решением ее судеб Учредительным собранием. В данной ситуации практически весь офицерский корпус освобождался от прежних обязательств, связанных с присягой государю, и вынужден был принять новые реалии.

Соответственно многим офицерам неожиданно пришлось адаптироваться к сложившимся обстоятельствам. Что же происходит с А. И. Андогским?

В февральско-мартовские дни 1917 года управляющий делами Военной академии А. И. Андогский (тогда еще не ее начальник, но фактически, из-за слабых административных способностей руководителя академии и разговоров о его компрометирующей связи с Распутиным, – глава учреждения) моментально пытается разобраться в политической ситуации, выяснить, в чьих руках находится реальная власть, по крайней мере в сфере военного управления, черпая информацию из разных источников. Как вспоминал профессор академии М. А. Иностранцев, 27 февраля несколько слушателей академии «с разрешения Андогского, успели сходить к Государственной думе и рассказывали свои впечатления» [10: 14]. 2 марта полковник А. И. Андогский, пытаясь добиться от военных представителей новых властей вразумительного ответа относительно ситуации, складывавшейся в армии, писал:

«Какие меры принимаются для того, чтобы одновременно с приказами Временного правительства, обязательными для всех, – не появлялись и не распространялись приказы отдельных лиц и организаций, не являющихся Временным правительством? Прошу заверения письменного от депутата Караулова, что это за приказ № 1 по гарнизону...»².

А. И. Андогский оказался в составе комиссии по реформированию армии и флота генерала А. А. Поливанова, члены которой были назначены военным министром А. И. Гучковым. Согласно журналу № 1 заседания комиссии от 4 марта 1917 года, среди нескольких генералов, высших офицеров флота и штатских лиц здесь присутствовало десять полковников Генерального штаба, в числе которых был и управляющий делами Военной академии³. Уже в первые дни революции 1917 года А. И. Андогский мог составить для себя более или менее точную картину ситуации, складывавшейся в стране и в армии. Знакомство с А. И. Гучковым и благожелательное отношение А. Ф. Керенского несомненно способствовали его усилиям по организации деятельности академии, как и карьерному росту.

После победы Октябрьского вооруженного восстания казалось, что положение академии достаточно устойчиво, а интенсивные контакты с политическим и военным руководством большевиков по-прежнему обеспечивали генералу широкий доступ к информации. Как отмечает А. В. Ганин,

«начальник академии был самым информированным о текущем положении дел в РККА и в Советской России военспецом. Вероятно, высокая степень информированности и позволила А. И. Андогскому принимать в сложной ситуации наиболее верные для академии решения» [9: 188].

Характерное для работ А. В. Ганина акцентирование внимания читателя на постоянной заботе генерала об интересах Военной академии, заботе, граничившей с самоотречением, определенным образом сближает позицию автора с точкой зрения тех историков, которые усматривали в «военном профессионализме», базировавшемся на представлении многих генштабистов о том, что главной жизненной ценностью, а соответственно, и стержнем их жизненных стратегий является прежде всего верность военному делу, как науке или искусству. Следовательно, иными основаниями социальной активности на службе у большевиков можно было бы пренебречь, установив некий компромисс с новой властью ради поддержания давно устоявшегося порядка существования генштабистов.

Данная точка зрения, в частности, получила отражение в книге М. Майзеля, посвященной истории русских генштабистов в условиях революции 1917 года. Автор подчеркивал, что многие офицеры Генерального штаба питали надежды на такой благополучный исход, указав даже временной отрезок – с апреля по июнь 1918 года, когда они были особенно сильны. «Мы уже знаем, однако, – заключил М. Майзель, – что Гражданская война положила конец таким надеждам» [24: 225]. Предложенная автором периодизация как будто соответствует и времени перехода Военной академии во главе с ее начальником на сторону большевиков. Но дело было не только в эскалации Гражданской войны. Сам факт того, что в стране установился новый режим, кардинально отличавшийся от предыдущего, обусловил утрату старой русской армией своей легитимности в роли особого государственного института. Альтернативой полному подчинению и принятию устанавливаемых новой властью правил, по многим причинам неприемлемых для корпуса генштабистов, могло быть только выступление на стороне антибольшевистских сил. В данной связи справедливым представляется предложение А. В. Ганина, указавшего на практику трансформации, а не слома большевиками структур старой армии, ввести понятие «инерционный период».

«В зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба или учреждения старой армии, – под-

черкивает автор, – период охватывает события с 25 октября 1917 по осень 1918 г.» [22: 93].

Именно в этом временном промежутке, на наш взгляд, и был сделан политический выбор генерала А. И. Андогского, который осознал, что, оставаясь в армии красных, рано или поздно по мере утверждения новых правил и форм военной службы ему придется принять и идеологию новой власти. В итоге политический выбор был сделан в пользу ее противников к моменту, когда уже возникли антибольшевистские государственные образования (Комуч и Временное Сибирское правительство).

ПОНИМАНИЕ МОТИВАЦИИ СЛУЖБЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

Ответ на вопрос, каким образом генерал (для себя и не только) интерпретировал свое временное пребывание в РККА, отчасти содержится в его работе «Как создавалась Красная Армия Советской России. (Уроки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк», изданной во Владивостоке в 1921 году. А. В. Ганин установил, что А. И. Андогский при объяснении причин службы офицеров старой армии у большевиков фактически воспользовался текстом статьи генерала А. Л. Носовича, опубликованной под псевдонимом А. Черноморцев в белогвардейском еженедельнике «Донская волна» еще весной 1919 года, но изменил смысл характеристики лишь шестой группы мотивов в классификации А. Л. Носовича, сделав ее, по мнению историка, «более привлекательной для белых» [2: 118]. Действительно, сравнение двух работ показывает, что А. И. Андогский местами дословно, местами близко к тексту, местами сокращая использованный им материал, изложил соображения, заимствованные у другого автора, а оценивая шестую по счету категорию офицерства, кардинально поменял акценты. Если у А. Л. Носовича первые три группы офицеров (не будем вдаваться в подробности рассуждений этого генерала) достойны снисхождения и даже оправдания, «для них необходима особая мерка», то остальные откровенно осуждаются, причем о шестой категории офицеров автор отозвался так: «люди, которые намеренно и обдуманно изменили своему долгу» [23: 492–493].

А. И. Андогский предложил в данном случае иной вариант. Сделал он это, как представляется, не столько потому, что хотел угодить «белым», сколько из стремления определить свое место среди различных групп офицеров, служивших в стане большевиков. Не обнаружив соответ-

ствующего описания мотивов у А. Л. Носовича, он сформулировал собственное определение:

«Группа шестая – офицеры, служащие в советских войсках из сознания долга содействовать образованию военной силы России и отнюдь не связанные с большевиками никакими идейными политическими принципами <...>. Они не мирятся с засильем иностранцев и разрушением России и, будучи против большевиков и веря в их неизбежный крах в ближайшем, – работают над укреплением военной мощи России <...>»⁴.

По всей видимости, генерал и сам был убежден в соответствии данной интерпретации своему реальному поведению, но более точный и обоснованный ответ на этот и другие вопросы, связанные с проблемой политического выбора А. И. Андогского в 1917–1922 годах, наверняка позволит дать специальное масштабное историко-биографическое исследование, которое системно охватит самые разнообразные аспекты жизнедеятельности этой неординарной личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в историографии социального поведения офицерства старой русской армии периода Гражданской войны в России перипетии судьбы и деятельность начальника Николаевской Военной академии генерал-майора А. И. Андогского вызвали существенный интерес исследователей и привели к формированию двух взаимосвязанных направлений, заключающихся в изучении политического выбора генерала после революции 1917 года, а также его

историко-публицистической рефлексии по поводу жизненных стратегий офицеров, оказавшихся на службе у большевиков. В рамках первого направления возникло несколько подходов к объяснению мотивации поведения генерала во время его пребывания в РККА и причин последующего перехода в «белый» лагерь. Сторонники одного из подходов полагают, что А. И. Андогский изначально, но до поры скрытно, выступал против советской власти и переход в стан ее противников был лишь делом времени. Согласно другой концепции, для генерала главным являлось удовлетворение собственных материальных потребностей и обеспечение безопасности семьи, а остальное не имело определяющего значения. Третий подход отображает политический выбор А. И. Андогского как сложный процесс с учетом его постоянного стремления защитить интересы Военной академии и по мере возможности сохранить устоявшиеся в ней порядки. Все три подхода, однако, оставляют недостаточно проясненными вопросы о времени и иерархии мотивов начальника академии во время осуществления его политического выбора. Анализ очерка А. И. Андогского, посвященного истории РККА, отчасти проливает свет на последний из названных вопросов, но в целом проблема политического выбора генерала А. И. Андогского в условиях революции и Гражданской войны еще требует приложения дополнительных исследовательских усилий, сохраняя простор для ее новых научных интерпретаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петровский Д. А. Военная школа в годы революции. М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. С. 14.
- ² Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 56. Л. 2.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ⁴ Андогский А. И. [А. Белозеров]. Как создавалась Красная Армия Советской России. (Уроки недавнего прошлого): Критико-исторический очерк. Владивосток: Тип. Военной академии, 1921. С. 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войнов В. Г. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 51–64.
2. Ганин А. В. «Россию погубили офицеры Генерального штаба...»? Выпускники Николаевской Военной академии между красным, белым и национальным лагерями в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 87–146.
3. Ганин А. В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.
4. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
5. Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 47 с.
6. Ганин А. В. О книге В. В. Каминского «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 514–536.
7. Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.

8. Ганин А. В. Переход военной академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль – август 1918 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 54–80.
9. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.
10. Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М.: Кучково поле: Издательский центр «Воевода», 2017. 928 с.
11. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 278 с.
12. Каминский В. В. А. И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 91–100.
13. Каминский В. В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1918 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126.
14. Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 736 с.
15. Каминский В. В. Двойные «перевертыши» в Корпусе Генерального Штаба Красной Армии: подполковник А. Д. Сыромятников и его служебная карьера // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 69–82.
16. Каминский В. В. Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской Академии Генерального Штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 116–131; 2012. № 3. С. 26–61.
17. Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51.
18. Каминский В. В. Русский «генштабист», дважды спасенный Л. Д. Троцким: Генерального штаба генерал-майор С. И. Одинцов // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 45–55;
19. Каминский В. В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах: Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин – «слуга двух господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 66–80.
20. Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты (1918–1941 гг.) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М.: Раритет, 2002. 696 с.
21. Лосунов А. М. «Дело» генерала А. И. Андогского // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 193–200.
22. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. События гражданской войны на юго-западе России в военных сводках и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба профессора А. И. Андогского // Русин. 2018. № 53. С. 82–96.
23. Черноморцев А. Бывшие офицеры // Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 489–493.
24. Mausel M. Generals and revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution. A study in the transformation of military elite. Osnabrück: Biblio Verlag, 1979. 322 p

Поступила в редакцию 30.06.2022; принята к публикации 22.08.2022

Original article

Vladimir L. Kozhevina, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-9486-5205; kozhevina@rambler.ru

THE POLITICAL CHOICE OF GENERAL ALEXANDER ANDOGSKY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Abstract. The article deals with one of the topical problems of the historiography of the Civil War in Russia, which includes the analysis of the social behavior and life strategies of the officers of the old Russian army in 1917–1922 on the basis of research works investigating the fate of General A. I. Andogsky. This problem is quite debatable today, therefore, the appeal to the history of the study of the General's political choice goes beyond the private aspect of the modern historiography of the officers of the period of the Russian Troubles and contributes to solving a number of large-scale research problems. The author identifies and compares the existing concepts regarding the political choice of A. I. Andogsky in order to evaluate the persuasiveness of the historians' arguments. For this purpose, both historiographical and archival historical sources are involved. The article partly reflects the author's own positions on the issue under consideration. This applies to such topics as the time and reasons for the general to make his political choice. The author emphasizes that a large-scale historical and biographical study, which systematically covers the most diverse aspects of the life of this extraordinary personality, can lead to more accurate and reasonable characteristics of Andogsky's social behavior.

Key words: General Staff Academy, Russian army, Bolsheviks, Russian Civil War, motivation, political choice, officers, social behavior

For citation: Kozhevin, V. L. The political choice of General Alexander Andogsky: historiography of the problem. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):51–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.807

REFERENCES

1. Voinov, V. G. The officer corps of the White Armies in the east of the country (1918–1920). *Russian History*. 1994;6:51–64. (In Russ.)
2. Ganin, A. V. “Russia was destroyed by the officers of the General Staff...”? Graduates of the Nikolaev Military Academy between the Red, White and national camps during the Civil War, 1917–1922. *Nikolaev Academy of the General Staff (1832–1918)*. St. Petersburg, 2018. P. 87–146. (In Russ.)
3. Ganin, A. V. The General Staff and pre-election technologies. How the head of the Military Academy was chosen in the summer of 1917. *Rodina*. 2014;11:70–74. (In Russ.)
4. Ganin, A. V. The decline of the Nikolaev Military Academy, 1914–1922. Moscow, 2014. 768 p. (In Russ.)
5. Ganin, A. V. The personnel of the General Staff during the Civil War in Russia. Author’s abstract of Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2013. 47 p. (In Russ.)
6. Ganin, A. V. The book *Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the Red Army* by V. V. Kaminsky. *Russian collection. Studies on the history of Russia*. Vol. 11. Moscow, 2012. P. 514–536. (In Russ.)
7. Ganin, A. V. The role of the General Staff officers in the Civil War. *Topics in the Study of History*. 2004;6:98–111. (In Russ.)
8. Ganin, A. V. Joining of Military Academy to anti-Bolshevist’s forces in Yekaterinburg and Kazan’ (July–August, 1918). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2014;2(11):54–80. (In Russ.)
9. Ganin, A. V. Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between the command personnel. 1917–1922. Moscow, 2019. 318 p. (In Russ.)
10. Inostranstev, M. A. Memories. The end of the Empire, the Revolution and the beginning of Bolshevism. Moscow, 2017. 928 p. (In Russ.)
11. Kavtaradze, A. G. Military specialists serving the Republic of Soviets. 1917–1920. Moscow, 1988. 278 p. (In Russ.)
12. Kaminsky, V. V. A. I. Andogsky in the days of the “Russian Troubles” in 1917–1919. *Topics in the Study of History*. 2008;11:91–100. (In Russ.)
13. Kaminsky, V. V. Brother against brother: The General Staff officers in 1917–1918. *Topics in the Study of History*. 2003;11:115–126. (In Russ.)
14. Kaminsky, V. V. Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the Red Army. St. Petersburg, 2011. 736 p. (In Russ.)
15. Kaminsky, V. V. Double “switchers” in the corps of the General Staff of the Red Army: Lieutenant Colonel A. D. Syromyatnikov and his career. *Modern History of Russia*. 2016;1:69–82. (In Russ.)
16. Kaminsky, V. V. Some particulars of the “voyage” of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan (July 23–24, 1918). *Modern History of Russia*. 2012;1:116–131; 2012;3:26–61. (In Russ.)
17. Kaminsky, V. V. Russian General Staff officers in 1917–1920. Results of the study. *Topics in the Study of History*. 2002;12:40–51. (In Russ.)
18. Kaminsky, V. V. Russian “General Staff officer”, saved twice by L. D. Trotsky: General Staff Major-General S. I. Odintsov. *Modern History of Russia*. 2017;4:45–55. (In Russ.)
19. Kaminsky, V. V. Everyday motivation at concrete biographies: General Staff Lieutenant-Colonel Viktor Ivanovich Oberiukhtin – “the servant of two misters” serially (1918–1938). *Modern History of Russia*. 2013;1:66–80. (In Russ.)
20. Korablev, Yu. I. Soviet power and military specialists (1918–1941). *The Civil War in Russia: events, opinions, assessments. In memory of Yuri Ivanovich Korablev*. Moscow, 2002. 696 p. (In Russ.)
21. Losunov, A. M. The “case” of General A. I. Andogsky. *Proceedings of the Omsk State History Museum*. 1999;7:193–200. (In Russ.)
22. Fominykh, S. F., Stepanov, A. O. Events of the Civil War in the south-west of Russia in military reports and journalism of the head of the General Staff Academy (Imperial Russia), Professor A. I. Andogsky. *Rusin*. 2018;53:82–96. (In Russ.)
23. Chernomortsev, A. Former officers. *Nosovich A. L. White agent in the Red Army: Memoirs, documents, articles*. Moscow; St. Petersburg, 2021. P. 489–493. (In Russ.)
24. Mayzel, M. Generals and revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution. A study in the transformation of military elite. Osnabrück, 1979. 322 p.

Received: 30 June, 2022; accepted: 22 August, 2022